

Это интервью с Булатом Окуджавой было одним из последних в его жизни.

Век. клуб. - 1998. - 7 мая. -
с. 7.

— Булат Шалвович, если бы вам в детстве рассказали, что с вами все случится так, как случилось: стихи, пластинки, книги, песни, вы бы поверили?

— Может быть, и поверил, потому что я начал писать стихи рано. Конечно, плохие детские стихи, но я этим очень увлекался. А тетки мои говорили, что я — гений. И я им верил, у меня кружилась голова, я страдал очень большим самомнением, пока жизнь меня от этого не отучила.

— А кто оказал наибольшее влияние на ваше поэтическое становление?

— Я думаю, что Пушкин и Пастернак.

— А кто из поэтов явился первым читателем ваших стихов?

— Получилось так, что не читателем, а слушателем. И первым слушателем тоже был Борис Пастернак. Случайно совершенно. В Тбилиси он вынужден был прослушать пять моих стихотворений. Я пришел к нему в гостиницу. Он морщился, но слушал. Кроме того, Павел Григорьевич Антокольский слушал мои стихи и не остался ими доволен, слушал их тогда еще молодой поэт Александр Межиров, на него они также не произвели никакого впечатления, потому что тогда я писал очень подражательные под Пастернака стихи.

— И несмотря на такие отзывы, вы продолжали писать?

— А я не мог не писать. Я уже как-то втянулся. И потом, как каждому пишущему человеку, мне казалось, что следующее стихотворение будет замечательным. Но когда ставил точку — видел, что нет.

— У вас есть автобиографическая проза, и ваше в ней присутствие вполне понятно. А насколько присутствует Булат Окуджава в его исторических романах?

— Все — автобиография. Ведь единственная задача любого писателя — рассказать о себе. Исторические вещи — они не в буквальном смысле исторические. Они, конечно, точны по своим деталям, но все персонажи несут мои черты — и дурные, и положительные.

— Почему ваш выбор пал именно на XIX век?

— В XIX веке впервые думающая часть общества России начала задумываться о своем пути, о своем предназначении. Кто мы? Что мы? Для чего мы? И вот этот процесс мне очень интересен.

— Булат Шалвович, поговорим о песнях. Вы чувствуете различие в звучании песен на концерте и на пластинках?

— Да. Аудитория играет очень большую роль. Однажды я записывал пластинку, и мне помогал композитор Владимир Дашкевич. Он сидел в аппаратной и слушал. Он меня все время прерывал и требовал, чтобы я пел проще, доходчивей, потому что без зрителя все это звучало тягостно и слишком академично.

ФОТО ВЛАДИМИРА БОГДАНОВА.

— А какую аудиторию вы себе представляете, когда пишете?

— Я не пишу для кого-то, я пишу для себя. Но, конечно, перед собой я вижу своих ровесников, людей с моим опытом. А когда я узнаю, что и молодым людям это интересно, мне это немного странно, но в то же время приятно их внимание и интерес. Прошло более тридцати лет со времени моих первых концертов, и сейчас на моих вечерах сидят пятнадцатилетние мальчики и девочки и до конца слушают. И я вижу интерес на их лицах. Это приятно.

— Вы следите за сегодняшней поэзией молодых?

— Я не могу сказать, что слежу за работой молодых. Я очень загружен. Да и за пожилыми мало слежу. Иногда меня носом ткнут в какую-то публикацию — я прочту. Бывает, в журналах что-то интересное попадает. Но я уверен, что все разговоры о том, что поэзия умерла, — это чепуха. Я профессионально чувствую, что появилось новое качество, произошел какой-то скачок, да и не только в стихах, но и в прозе, и в театре.

— Булат Шалвович, в чем вам наиболее удалось самовыразиться: в песнях, в стихах или в прозе?

— Знающие и профессиональные мои почитатели говорят, что главное, что я свершил в своей жизни, — это песни. А я могу лишь сказать, что в стихах я чувствую себя профессионалом, а в прозе — начинающим.

— Вы не пробовали свои силы в чем-нибудь, помимо писательского дела?

— Нет. Я когда-то мечтал заниматься театром и драматургией. Я написал одну очень плохую пьесу, она шла много лет, но это заслуга режиссера-постановщика, а не моя. В содружестве с режиссерами я написал несколько сценариев в кино, и они неплохо пошли. Но сам я не драматург, это — не мое. Что касается живописи — я вообще рисовать не умею, но краски очень люблю. Был период в моей жизни, когда я просто брал холст, сидел и раскрашивал его как Бог на душу положит. Это мне очень нравилось. Еще я находил корешки деревьев и вырезал фигурки, напоминающие людей. Но это тоже было давно.

— То, что вы писали, всегда удавалось напечатать в первозданном виде или приходилось что-то менять, идя на компромиссы с редакциями?

— Я написал стихотворение “Молитва”. Потом это стало песней. Принес в журнал “Юность”, где мне сказали: “Что вы! Там так много слова “Господи”, что это нельзя напечатать!” И я назвал стихи “Молитва Франсуа Вийона”. Тогда напечатали.

Цензура меня не особо преследовала, больше мешали редакторы.

— В шестидесятых годах устраивались огромные поэтические вечера в Лужниках. Как вы думаете, удастся ли их возродить и стоит ли это делать?

— По-моему, не стоит. Ведь почему были такие грандиозные вечера? Появилась какая-то порция свободы, времена оттепели, люди хотели получить информацию. Газеты ее не давали даже после XX съезда, они были так же лживы, как и раньше. Где черпать эту духовную информацию? Единственное — поэтические вечера. Во Дворцы спорта приходило двести любителей поэзии и пятнадцать тысяч человек, жаждающих получить рецепт от боли духовной. Позднее выяснилось, что никаким рецептом и лекарством поэзия быть не может, поэтому слушатели постепенно отсеивались. А те двести истинных почитателей поэзии остались и сегодня. Да и к тому же стихи — интимная вещь, их надо читать про себя. Поэтому я не думаю, что сегодня можно и нужно собирать такие грандиозные аудитории.

— Какое содержание вы вкладываете в понятие “интеллигент”?

— Прежде всего это не профессия, а состав крови. Это культура мысли, жажда образования. Самое главное для интеллигента — неприятие насилия, уважение к личности, терпимость к инакомыслию и самое важное — совесть. Кто-то мне сказал, что Ленин был интеллигент. Нет, он не был интеллигентен. Он воспевал насилие, он не терпел инакомыслия, не уважал личность.

— Многие талантливые люди по тем или иным причинам покидают нашу страну. Что вы думаете по этому поводу?

— Я никого не осуждаю, это их личное дело. Я думаю, мы когда-нибудь доживем до такого состояния, что отъезд и приезд не будут считаться чем-то предосудительным, а будут совершенно нормальными явлениями.

— А у вас не было мысли уехать?

— Нет. Я примеривался к этому, бывая на Западе. Жизнь там не по моему характеру. Может, это грузинская лень во мне. К тому же мои читатели — здесь.

— Булат Шалвович, как вы относитесь к тем послежизненным публикациям, которые самим автором не готовились к печати?

— Не нужно все безоглядно и вслепую печатать. Существует круг друзей, авторитетная профессиональная комиссия, которая может определить, что печатать, а что — нет. Вот Высоцкому, я считаю, дурную услугу оказали, напечатав его полностью, не оговорив ни с кем. У него было много слабых вещей, особенно вначале, как у каждого. Такие вещи не нужно было печатать.

— Булат Шалвович, а с фразой Высоцкого “Кто кончил жизнь трагически — тот истинный поэт” вы можете согласиться?

— Нет. Я думаю, что это красивая поэтическая метафора. Вот Гете прожил больше восьмидесяти лет, но разве он не истинный поэт! Ведь это такое счастье — жить!

— Вам повезло в жизни?

— Мне очень повезло. Я смог себя выразить, смог сделать то, что мне велела природа. Насколько это хорошо — не мне судить. Но не сомневаюсь, что еще напишу какие-то вещи, тем более я знаю, что лучшая вещь еще не написана.

Встречался
Андрей КРАВЧЕНКО.